

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-170-182

Калмыцкий рассказ в антологии «Современная литература народов России. Проза»

Римма Михайловна Ханинова¹, Ирина Сергеевна Бадмагоряева²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

E-mail: khaninova@bk.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

аспирант

E-mail: ibadmagoryaeva@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., Бадмагоряева И. С., 2020

Аннотация. В статье рассмотрены связанные с исторической темой — Великой Отечественной войной и тринадцатилетней ссылкой калмыцкого народа (1943–1956 гг.) — рассказы Андрея Джимбиева («Последнее наступление», «Сильней судьбы») и Николая Бурулова («Волчий капкан»), вошедшие в антологию «Современная литература народов России. Проза» (М., 2018). В какой-то степени произведения носят автобиографический характер, основаны на личном опыте писателей, передают их отношение к трагическим страницам истории страны и родного края, утверждают идеалы добра и справедливости. Рассказы А. Джимбиева переведены на русский язык Н. Егоровым, который не во всем следует за оригинальными текстами, рассказ Н. Бурулова имеет авторский перевод.

Ключевые слова: современная литература России, калмыцкий рассказ, темы войны, сибирской ссылки, русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1). Материалы ста-

ты апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXIв.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Ханинова Р. М., Бадмагоряева И. С. Калмыцкий рассказ в антологии «Современная литература народов России. Проза» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 1. С. 170–182. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-170-182

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-170-182

A Kalmyk Story in the Anthology “Contemporary Literature of the Peoples of Russia. Prose”

Rimma M. Khaninova¹, Irina S. Badmagoryaeva²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: khaninova@bk.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Graduate Student

E-mail: ibadmagoryaeva@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., Badmagoryaeva I. S., 2020

Abstract. The article discusses the stories by Andrey Dzhimbiev (“The Last Attack”, “Stronger than Fate”) and Nikolai Burulov (“Wolf Trap”) that are related to the historical theme — The Great Patriotic War and the thirteen-year exile of the Kalmyk people (1943–1956). These stories were included into the anthology “Contemporary Literature of the Peoples of Russia. Prose” (M. 2018). To a certain extent the works have autobiographic characteristics,

they are based on the personal experience of the writers, convey their attitude towards the tragic pages of the history of the country and their native land and manifest the ideals of the good and the just. The stories of A. Dzhibiev are translated into Russian by N. Egorov, who did not precisely follow the original texts, the story by N. Burulov has the author's translation.

Keywords: the contemporary literature of Russia, the Kalmyk story, the war theme, Siberian exile, Russian translation

Acknowledgement. The research is conducted under the scope of the State subsidy — project “The oral and written heritage of the Mongolian nations of Russia, Mongolia and China: trans-border traditions and interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Khaninova R. M., Badmagoryaeva I. S. A Kalmyk Story in the Anthology “Contemporary Literature of the Peoples of Russia. Prose”. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 1. Pp. 170–182. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-170-182

Третий том антологии «Современная литература народов России», изданный в Москве в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 гг.), представляет отечественную прозу. Как сообщается в аннотации, «антология включает в себя художественные переводы на русский язык прозаических произведений 115 авторов, созданных за четверть века существования новой России на 50 национальных языках, обзорные очерки о литературных языках и традициях прозы народов России, а также краткие биографические справки об авторах антологии» [Современная литература... 2018: 755].

В Предисловии к этому тому В. И. Толстой, советник Президента Российской Федерации по вопросам культуры, отметил: «Забота обо всех народах, даже самых малых, уважение к другим этносам, воспитание подрастающего поколения в духе дружбы и толерантности были и остаются одним из приоритетов российской государственности.

Как отдельный человек не может обойтись без поиска ответов на принципиальные вопросы бытия, называемые „вечными“, так и народ однажды дорастает до появления литературы, которая призвана ставить такие вопросы и искать на них ответы» [Толстой 2015: 5].

По словам издателей, в антологии «представлены все основные прозаические жанры: рассказы, новеллы, короткие повести, отрывки из романов, мемуарная и притчевая проза. Тематический диапазон произведений достаточно разнообразен.

Красота родной природы, особенности жизненных укладов и образов мира, глубина и сложность межчеловеческих отношений, изображенные в художественной прозе, напрямую проникают в сознание и острее трогают сердца людей. Как никакой другой жанр литературы, проза дает ощущение достоверности и сопричастности.

Современные прозаики, продолжающие и развивающие национальные литературные традиции, работают в несхожих манерах — от реалистической до постмодернистской, смотрят на одни и те же явления, события и проблемы с разных сторон, однако объединяет их любовь к выразительному и точному слову, верность идеалам добра и справедливости» [От издателей 2018: 6].

Раздел калмыцкой прозы открывает краткий очерк о ее развитии на основе литературного процесса XX–XXI вв., в частности подчеркнуто: «В XXI в. калмыцкие прозаики пытаются воссоздать традиционные калмыцкие ценности и обычаи, которые с течением времени и расширением культурных границ стираются. В своих поисках писатели обращаются к эпосу „Джангар“, фольклору, истории, духовной и материальной культуре» [Современная литература... 2018: 210].

Современную калмыцкую прозу в третьем томе представляют два рассказа («Последнее наступление», «Сильней судьбы») Андрея Джимбиева (г. р. 1924) и один рассказ («Волчий капкан») Николая Бурулова (1931–2017 гг.). Авторы относятся к старшему поколению писателей Калмыкии. К сожалению, эти рассказы, как и другие публикации тома, не датированы, предполагается, что они

созданы за последние двадцать пять лет, поскольку этот хронометраж позволяет отнести такие тексты к современной литературе.

Тема первого рассказа Андрея Джимбиева в русском переводе Николая Егорова обусловлена авторской биографией участника Великой Отечественной войны. Название произведения «Последнее наступление» актуализирует мотивы жизни и смерти, подвига и памяти, группируя персонажей — офицеров и солдат, среди которых старший сержант — калмык Сакил Башаев. Это ему молодой лейтенант Петров, командир роты, собирался перед боем передать конверт с письмом, но так и не решился. И только после боя, умирая, командир сообщил Башаеву, что в кармане есть письмо для него. Ранее Петров догадался, что письмо о его однополчанине Санале, сыне Башаева, о беде: он не узнал знакомого почерка на конверте, поколебавшись, вскрыл его, прочитав, расстроился. И все время не мог решить — отдавать или не отдавать отцу письмо о гибели его сына. Поэтому и атаковать вражеский дот перед общей военной операцией поручил другим солдатам, несмотря на то, что идти вызвался и Башаев. «Он и сейчас думал, что идти надо ему — повоевал и повидал всякого. Ему легче, чем пацанам, которые лишь недавно понюхали порох. Жалко их — смелые, но неосторожные, неумелые. Они и жениться-то не успели, а у него, Башаева, сын есть. Отец погибнет — сын заменит его» [Джимбиев 2018а: 211]. После гибели лейтенанта Башаев, не открывая конверта, все понял. «И подумал, что, пока он не прочитал письма, ничего страшного не может случиться» [Джимбиев 2018а: 212]. Здесь неточность переводчика в описании отцовской мысли вызывает вопросы: с кем ничего страшного не может случиться, пока Башаев не прочитает письма, с ним или с сыном? Когда на закате дня бой был завершен, «Башаев, легко раненный в голову и наспех перевязанный, лишь теперь заставил себя вскрыть конверт и прочитать письмо. Произошло самое страшное — сына не было в живых» [Джимбиев 2018а: 212]. В переводе Егорова не приводятся строки из письма. Ничего не известно из рассказа и о том, кем был на войне сын Башаева: рядовой, офицер. Авторская интенция в финале повествования определяет его сюжет: «Погиб и лейтенант

Петров, пощадивший его, Сакила, отцовское сердце — сердце, дважды сраженное в течение одного боя» [Джимбиев 2018а: 212]. Заключительное предложение рассказа должно передать психологическое состояние отца, потерявшего на войне сына: «Башаев смог вернуться к лейтенанту только на заре следующего дня...» [Джимбиев 2018а: 212]. Но и в этом случае непонятно, куда вернуться — на поле боя, где оставался лежать Петров, где того могли похоронить, или в морг полевого госпиталя, куда свозили убитых, чтобы затем похоронить. Такие неточности связаны с русским переводом рассказа.

Обратимся к оригинальному произведению под тем же названием «Сүл дэврлт» («Последнее наступление») [Жимбин А. 2009: 326–335], не ставя задачу сравнительно-сопоставительного анализа. Лишь отметим некоторые различия: калмыцкий текст, пространственный по сравнению с переводом, менее динамичный, сюжетно отличается в определенных деталях, в том числе и финалом. У главного героя фамилия иная: не Башаев, а Бадмаев, по званию не старший сержант, а сержант, ему сорок лет, был дважды ранен; имя его сына не Санал, а Савр, письмо с известием о гибели сына Бадмаева отправлено не из воинской части, а из дома, от жены сержанта. В рассказе приводятся отрывки из письма-похоронки с характерными для того времени призывами («За Родину! За Сталина!»), клянутся теми же словами и солдаты Бадмаева. Он и его однополчане — верующие люди, не раз упоминают бога, призывая его на помощь. Диалог между умирающим лейтенантом и старшим сержантом также отличается. Петров просит взять за пазухой его шинели документы, написать письмо домой, его матери, прощается и умирает. Среди его бумаг сержант увидел конверт с почерком своей жены, понял, что случилось. «Нанд ирсн, болв нанас бултулгдсн бичг юн сэн юм зэңглхв? Дэн манас „авцан“ авл уга чилшго. Дээнэ зокал тиим, — гиж лейтенантын минь эндр келсинь сержант тодлв» [Жимбин А. 2009: 335]. Смысловой перевод: «Мне пришедшее, но спрятанное от меня письмо, о чем хорошем может известить? Война не закончится, пока не возьмет у нас свое. Такое правило войны, — заключил сержант услышанные сегодня слова лейтенанта». Таким образом, снижается трагизм ситуации, меня-

ется сюжет. В антологии дан не просто русский перевод джимбиевского рассказа, а его вариант.

Второй рассказ А. Джимбиева «Сильней судьбы» включает 6 главок, обозначенных арабскими числами в русском переводе Н. Егорова. В оригинале нет такой числовой структуры, рассказ назывался иначе: «Үклиг диилсн күцл» («Победившие смерть») [Жимбин А. 2009: 340–373]. Фабула основана на истории судьбы восьмидесятидвухлетней Шикря-эмген, у которой во время Великой Отечественной войны погибли муж и трое сыновей, старшему из которых было девятнадцать лет. В хотон Ниицян должен приехать корреспондент республиканской газеты, чтобы взять интервью у этой вдовы к очередному юбилею победы. В оригинале рассказа время уточнено автором и героями: прошло сорок лет после войны, 40 лет Победе, то есть действие произведения относится к 1985 г.

В начальной беседе двух хотонских стариков — Саарала и Шикри — автор показывает, что уроки прошедшей войны не стали предостережением для людей в мире: по-прежнему проливают кровь, по-прежнему льются материнские слезы. Если в первой части откровений Шикри-эмген, по нашему мнению, писатель использовал больше риторики и пафоса (стиль ее речи не соответствует образу героини, плохо владеющей русским языком, а корреспондент — по национальности русский, не знающий калмыцкого языка), то во второй части он передал жалобы вдовы и осиротевшей матери проникновеннее, но и тут не избежав пафоса: «Можно ли найти на земле человека более несчастного, чем тот, кто прожил столько лет и заканчивает свой век без внуков? <...> А меня и матью не назовешь. Какая мать я, если нет у меня детей... Чем обидела бога?» [Джимбиев 2018b: 213]. Она перебирает, достав из сундука, полученные много лет назад похоронные извещения на мужа и сыновей. «Как же так, — изумленно обращалась Шикря-эмген к пожелтевшим листочкам бумаги. — Как же так? Четверо ушли из одного дома, и все погибли? Неужто бог столь немилостив?» [Джимбиев 2018b: 214].

Для монгольских народов не характерны сетования на судьбу, нельзя предъявлять счет судьбе, так как это «ведет к гибельному концу, что отчетливо эксплицируется в монгольском идиоматическом выражении *заяандааэр үүсдэх* ‘погибнуть, умереть’ (досл. подвергать пытке/допросу свою судьбу)» [Пюрбеев 1998: 99]. Поэтому в данных эпизодах поведение старой женщины вступает в противоречие с национальными особенностями отношения человека к своей судьбе. Шикря-эмген не считает себя матерью, поскольку у нее нет сейчас детей, погибших на войне. Но они были, умерли не в младенчестве, не от болезней и несчастных случаев, а защищая родину. Мать, таким образом, как бы умаляет память о сыновьях. Тем не менее, в разговоре с соседом Сааралом она говорит о том, что в ее душе живет надежда когда-нибудь увидеть кого-нибудь из своих детей. «Не могла умереть в ней эта надежда, — утверждал писатель, — сколько бы ни заносило эту надежду болью» [Джимбиев 2018b: 213]. И в разговоре с корреспондентом Сергеем Шикря-эмген на прощание говорит: «Сынок, я знаю, что случилось с моими парнями, я их и не жду. И не могу смириться с тем, что их нет. Все время меня мучает мысль: кто-то из них — хоть один — да остался жив» [Джимбиев 2018b: 217].

В беседе с корреспондентом о юбилее победы старая женщина понимала, что его «слова были не новые, ходовые, какие-то заученные, но Шикря-эмген не обиделась на парня: слова словами, а на деле он чувствует то, о чем говорит, чувствует, как полагается человеку его лет» [Джимбиев 2018b: 215]. Сергею двадцать пять лет, он показан неопытным журналистом, которому приходит на помощь Саарал-овген, рассказывая о том, как соседка вместе с хотонцами работала во время и после войны. Он был председателем колхоза, а она — бригадиром полеводческой бригады. Вместе с хотонскими женщинами после работы шила теплую одежду для фронтовиков. Рассказал и о том, как Шикря просилась на фронт, когда получила похоронку на мужа, но военком с председателем колхоза убедили, что ее место в тылу, а не на войне, что надо снабжать фронт едой и одеждой. И тогда она поняла: «...здесь от меня пользы больше. Кто я на войне: ноль без палочки (опечатка —

ноль без палочки. — *Р. Х., И. Б.*). Увижусь ли там с сыновьями — неизвестно. А дома могу дожждаться. Одна мысль о том, что кто-то из них появится, крепче крепкого привязывала меня к дому. Смерти самой я не боялась, а осиротить сынов боялась: отца у них уже нет и матери не будет...» [Джимбиев 2018b: 216]. При сравнении с оригиналом выясняется, что героиня иначе и короче выразила отношение к принятому ею решению: дома от нее действительно больше пользы.

В рассказ писатель вводит детали калмыцкого быта. Шикре-эмген подарили белый платок, который она носила, привязав к поясу, как в старину, и часто вытирала им свои слезы, вспоминая погибших на войне. «В нынешнее время старухи, носящие на поясах большие платки, почти не встречаются», — замечает автор [Джимбиев 2018b: 214]. «И большой платок, привязанный к поясу, как белый флаг неизбежной старости» [Джимбиев 2018b: 214]. Здесь неточность переводчика, незнакомого с национальной культурой: белый платок привязывали к своему поясу замужние женщины, а не только старухи. Когда корреспондент после интервью собрался уходить, старая хозяйка остановила его, сказав, что это не по-калмыцки: «...прийти в гости и уйти, не отведав чаю. Ты в калмыцком доме, калмыцкий чай уже готов» [Джимбиев 2018b: 216]. В переводе Н. Егорова не указано, как в оригинальном тексте, что корреспондент по национальности русский, поэтому писатель и дает пояснение калмыцкого обычая гостеприимства — угощение чаем.

Жизнь Шикри-эмген круто изменилась после газетной публикации, ей стали приходить письма со всей страны. И однажды в ее дом явился правнук Борис, прочитавший интервью в газете, которую выписывала семья. Увидев молодого человека, похожего на старшего сына Бадму, Шикря-эмген заболела: приняла его за призрак. Выяснилось затем, что в свое время цыганка нагадала ей, что старший сын жив, вернется с войны. Он в самом деле был тяжело ранен, лишился руки и ноги, решил поэтому не возвращаться домой, не быть обузой матери, почему-то был уверен, что отец и братья погибли на войне. Лечился в уральском госпитале, женил-

ся на медсестре, родился сын, потом внук. Несмотря на то, что Борис рассказал Саарал-овгену историю своей семьи, старик удостоверялся в том, что это действительно правнук Шикри-эмген: у него, как у всех родственников по мужской линии, была родинка на левой лопатке. Последняя встреча прабабушки и правнука завершилась скорой смертью Шикри-эмген: исполнилась ее мечта, она увидела продолжение рода в Борисе. Как подытожил Саарал-овген: «Ее жизнь была тяжелой, а смерть ее была легка... Судьба не жалела Шикрю, но твоя прабабушка все равно вышла победительницей, оказалась сильнее судьбы...» [Джимбиев 2018b: 223]. В оригинале об этом сообщается иначе: «Шикрэ ут нас зүүв, ик зовлц даав, болв жирһлин цуг күчр-күнд: хаалһинь давж чадв, тер хаалһан диилвртгэһэр төгсэв» [Жимбин А. 2009: 373]. Смысловой перевод: «Шикря прожила долгую жизнь, преодолела большие страдания, но жизнь всегда трудна: сумела пройти весь путь, закончила этот путь победно». То есть там нет выражения «сильнее судьбы», так переводчик актуализирует название рассказа. Имя героини в символическом плане передает диалектику бытия: ее имя означает «сахар» (калм. *шикр*), но жизнь ее не была сладкой; родители назвали этим именем дочку, благословляя ее на счастье. Кроме того, в рассказе А. Джимбиева ничего не сказано о том, была ли, например, Шикря-эмген в ссылке. Русские переводы Н. Егорова не всегда передают точное следование оригинальным текстам.

Жизнь ссыльных калмыков в Сибири в период сталинских репрессий показана в рассказе Николая Бурулова «Волчий капкан» в авторском переводе. Возможно, в этом произведении отразились какие-то реальные события того времени, поскольку будущий писатель также пережил сибирскую ссылку. Описание холодной зимы, когда калмыков привезли в новосибирское село Осиновку, дополняется подробным рассказом о жизни ссыльных людей в канун окончания войны, где воюют мужчины, члены их семей. Калмыки работали в колхозе «Красное знамя» — сено возили, дрова рубили, чистили загоны для скота, поили-кормили и доили коров, чинили инвентарь (сани, телеги), сторожили колхозное добро. Писатель вводит в рассказ через диалоги персонажей иносказатель-

ные сведения о калмыках на войне (воюют на Дону, теперь нет давно от них вестей, трудятся на большой военной стройке). Речь идет о воевавшей на Дону 110-й ОККД и о Широкаге в Пермской области. Отношение местных жителей к ссыльным калмыкам подчеркивается предложением поначалу расселить их по домам колхозников. Один из стариков, Тарас Тихонович Лукин, после того как одного бычка забодал насмерть другой, сказал старику Саксыку Кензееву, чтобы калмыки забрали у водопоя тушу животного, накормили свои семьи. Но тушу бычка поручили Лукину вывезти за село и бросить там, поставить капкан для волков, которых много развелось. Поэтому он предупредил Саксыка о капкане. Шестидесятилетний калмык вначале решил идти за тушей вместе с родней, но потом отказался, объяснив свой выбор семье. «Это неприглядное дело — стыдно... Пока наши сыновья на фронте, мы должны беречь свое доброе имя и не совершать дурных поступков. Надо встретить их с честью и достоинством. Без позора... Казенное добро трогать нельзя. Если ставят капкан, чтобы поймать волков, которые наносят урон колхозной отаре, мешать не станем. Потом могут обвинить нас, но даже если и не обвинят, все равно нехорошо, неловко. Мы поблагодарим Тараса Тихоновича за доброе отношение, но за бычком не пойдём. Я решил поступить так... Надо избегать поступков, марающих душу» [Бурулов 2018: 230].

На следующий день нескольких калмыков во главе с Кензеевым вызвали в колхозную контору. По дороге Саксык думал: «Что произошло? Странно... Мы и так сосланы в чужие края. Разлучены с родными, отлучены от родины. У нас отняты дома и хозяйство. Что еще нужно от нас? Что хотят с нами сделать?» [Бурулов 2018: 230]. Выяснилось из разговора с председателем колхоза Синьковым — туша бычка пропала ночью вместе с капканом. Виновником объявили старика Кензеева. За него заступился Лукин.

Автор не скрывает, что среди ссыльных калмыков были осведомители, доносившие на своих же сородичей. Так один из них, Сангаджи Очиров, указал на Кензеева, как на вора. Об этом он поведал соседу Гаре Дачаеву, как донес председателю на стари-

ка: «Две бабки, две женщины, два подростка, две девочки, да еще малышня — все хотят кушать. Они, говорю, дорвались до мяса и утащили его вместе с капканом. Так я объяснил. И Синьков пове-рил» [Бурулов 2018: 232].

Очиров доносил на земляка муравьевскому коменданту Шилкину, присматривающему и за калмыками из Осиновки. Поэтому вскоре после обыска у Кензеева, когда не нашли краденого добра, в соседнее село Муравьево забрали двух подростков из семьи Саксыка. На третий день они вернулись. А на следующий день после потери капкана колхозный объездчик Ерохин заметил следы, ведущие от кургана к огороду Сангаджи Очирова, «калмыцкого старосты».

Рассказ писатель закончил кратким сообщением: «Через некоторое время Сангаджи Очиров погрузил на сани свой скарб и покинул с семьей Осиновку. Вскоре разнесся слух, что он устроился ночным сторожем на маслозавод в Муравьево» [Бурулов 2018: 232]. Пояснением места переезда этого вора Н. Бурулов указал на то, что Очиров, будучи осведомителем коменданта Шилкина, избежал наказания за совершенное преступление — кражу, что он будет продолжать доносить на земляков: репрессивный аппарат нуждался в подобных помощниках.

Таким образом, три рассказа Андрея Джимбиева и Николая Бурулова связаны с исторической темой — Великой Отечественной войной и тринадцатилетней ссылкой калмыцкого народа (1943–1956). В какой-то степени эти произведения носят автобиографический характер, основаны на личном опыте писателей, передают их отношение к трагическим страницам истории страны и родного края, утверждают идеалы добра и справедливости.

Литература

- Бурулов 2018 — *Бурулов Н.* Волчий капкан / пер. автора // Современная литература народов России: Проза / Антология. М.: ОГИ, 2018. С. 223–232.
- Джимбиев 2018а — *Джимбиев А.* Последнее наступление // Современная литература народов России: Проза / Антология / пер. Н. Егорова. М.: ОГИ, 2018. С. 211–212.

- Джимбиев 2018b — *Джимбиев А.* Сильней судьбы // Современная литература народов России: Проза / Антология / пер. Н. Егорова М.: ОГИ, 2018. С. 212–223.
- Жимбин А. 2009 — *Жимбин А.* Жирһлин жисэн: келврмүдин хураңу. Элст: Барин гер «Герл», 2009. 511 х.
- От издателей 2018 — От издателей Современная литература народов России: Проза / Антология. М.: ОГИ, 2018. С. 6.
- Пюрбеев 1998 — *Пюрбеев Г. Ц.* Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Теегин герл. 1998. № 6. С. 96–102.
- Современная литература... 2018 — Современная литература народов России: Проза / Антология. М.: ОГИ, 2018. 756 с.
- Толстой 2018 — *Толстой В. И.* [Предисловие] // Современная литература народов России: Проза / Антология. М.: ОГИ, 2018. С. 5.